

Ответственность контролирующих лиц должника при банкротстве

Сама по себе возможность привлечения контролирующих должника лиц (далее КДЛ) к субсидиарной ответственности была предусмотрена законом о банкротстве, начиная с момента его принятия (2002 год). Этому вопросу была посвящена статья, которая на протяжении многих лет оставалась «нерабочей». Ситуация начала существенно меняться в 2012 году, когда суды стали активнее привлекать КДЛ к ответственности и взыскивать многомиллионные (а то и многомиллиардные) долги предприятий лично с них, однако, как правило, на практике такие судебные акты не исполнялись по причине отсутствия у КДЛ какого-либо имущества.

2017 год можно по праву назвать переломным моментом в истории развития института привлечения к субсидиарной ответственности. С 1 июля в закон о банкротстве добавлена отдельная глава, посвященная этому вопросу, а в декабре опубликовано постановление Пленума Верховного Суда от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве», в котором на основе новой главы закона предлагаются к введению новеллы, которые нельзя оценить иначе как революционные.

Во-первых, вводится новая презумпция для признания лица контролирующим, а именно: извлечение выгоды из незаконного или недобросовестного поведения должника. То есть, если лицо, не являясь директором (учредителем) предприятия, тем не менее извлекает выгоду из его деятельности, считается, что такое лицо является КДЛ, а значит, может быть привлечено к субсидиарной ответственности. Данная новелла направлена на пресечение крайне распространенной схемы ведения бизнеса через несколько взаимосвязанных юридических лиц, когда прибыль и ликвидное имущество аккумулируются на одном предприятии, а долги – на другом.

Во-вторых, впервые в России в гражданском праве вводится институт «сделки с судом»: если номинальный директор представит суду сведения о реальном бенефициаре, которые будут способствовать погашению требований кредиторов, то номинальный руководитель может быть полностью освобожден от ответственности.

В-третьих, пресечена распространенная схема ухода от погашения долгов, при которой после привлечения КДЛ к ответственности право требования к нему

на основании решения собрания кредиторов продавалось с торгов по заниженной цене. По новым же правилам каждый кредитор, независимо от количества голосов, вправе потребовать взыскания долгов с КДЛ непосредственно в свою пользу и далее самостоятельно, независимо от собрания кредиторов, предпринимать меры по получению с КДЛ денежных средств.

В-четвертых, по старой редакции закона после завершения дела о банкротстве привлечение к субсидиарной ответственности было невозможно. Теперь же кредиторы вправе обращаться с соответствующим заявлением и после того, как дело о банкротстве было завершено и предприятие исключено из ЕГРЮЛ.

На первый взгляд может показаться, что новеллы закона носят чрезмерный характер. В особенности это касается презумпции о выгодоприобретателе как КДЛ. Получается, что факт контроля лица над деятельностью предприятия будет устанавливаться судом без конкретных доказательств, только лишь на основании того, что такое лицо получало выгоду. Безусловно, произвольное применение судами данного правила может быть чревато установлением предпосылок для бесконтрольного вмешательства государства в предпринимательскую деятельность.

Однако представляется, что оценка нововведений не должна быть такой полярной. Ведь если представить себя на месте кредитора, которому недобросовестный должник не возвращает крупный долг, то нововведения закона о банкротстве предстанут в ином свете.

Зачастую директорами (учредителями) предприятий являются номинальные лица, у которых нет никакого имущества и которые фактически действуют по указаниям некоего «теневого собственника». Доказать в суде, что именно это лицо на самом деле контролирует деятельность фирмы, крайне сложно, для этого требовалось найти существенный объем косвенных доказательств, разыскать свидетелей и т. д. У рядовых кредиторов зачастую в принципе нет возможностей по сбору такой доказательственной базы, а значит, и практически нет шансов на реальное получение своих долгов (по статистике, лишь в 2–3% делах о банкротстве кредиторы реально получают хоть какое-либо удовлетворение своих требований, в остальных случаях банкротство оканчивается списанием всех долгов).

Теперь же положение кредиторов существенно облегчается: им достаточно доказать, кто получал выгоду от деятельности должника. При этом не стоит забывать, что данная презумпция является опровержимой: то есть лицо, привлекаемое к ответственности, всегда может доказать обратное.

Если рассматривать новые правила с точки зрения развития российского правопорядка в целом, то данные изменения продолжают тенденцию усиления неформального подхода судов к рассмотрению дел, причины которой, как представляется, носят исторический характер.

После перехода к рыночной экономике судебные инстанции долгие годы следовали формальному соблюдению буквы закона. Однако со временем

оказалось, что такой подход имеет и обратную сторону: недобросовестные участники гражданского оборота для получения необоснованных выгод стали активно пользоваться фиктивным документооборотом, когда на бумаге фиксируются несуществующие отношения.

Именно по этой причине суды со временем оказались вынуждены большее внимание уделять существу отношений, экономической целесообразности, деловой цели, разумности поведения сторон и т. д., а представляемые доказательства оценивать менее формально. Новые изменения в закон о банкротстве, по сути, представляют собой продолжение указанной тенденции.

Таким образом, если и искать виновных в излишнем ужесточении правил о привлечении к субсидиарной ответственности, то будет справедливо предположить, что причина таких изменений отчасти в самом предпринимательском сообществе.

Представляется, что новые правила будут способствовать повышению эффективности проведения банкротных процедур, а значит, и улучшению экономического климата в стране. Но не стоит забывать, что это возможно исключительно при условии разумного, взвешенного и ответственного подхода судов к применению новых правовых норм.

*Отдел по контролю (надзору) в сфере саморегулируемых организаций
Управления Росреестра по Владимирской области*

О Росреестре

Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр) является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, по оказанию государственных услуг в сфере ведения государственного кадастра недвижимости, проведению государственного кадастрового учета недвижимого имущества, землеустройства, государственного мониторинга земель, навигационного обеспечения транспортного комплекса, а также функции по государственной кадастровой оценке, федеральному государственному надзору в области геодезии и картографии, государственному земельному надзору, надзору за деятельностью саморегулируемых организаций оценщиков, контролю деятельности саморегулируемых организаций арбитражных управляющих. Подведомственными учреждениями Росреестра являются ФГБУ «ФКП Росреестра» и ФГБУ «Центр геодезии, картографии и ИПД». В ведении Росреестра находится ФГУП «Ростехинвентаризация – Федеральное БТИ». 13 октября 2016 года руководителем Росреестра назначена В.В. Абрамченко.

Контакты для СМИ

Управление Росреестра по Владимирской области
г. Владимир, ул. Офицерская, д. 33-а
Баринов Валерий Юрьевич
Начальник отдела организации, мониторинга и контроля
barinov_vy@vladrosreg.ru
(4922) 45-08-26